

Гость 13-й страницы

Гость 13-й страницы

Неделя. - 1994. - апр. (№ 15). - с. 13.

- Наталья Владимировна, как вы относитесь к появлению в нашей литературе "женского романа"?

- Меня не приглашали издаваться в этой серии, и я очень рада, что так получилось. Есть надежда, что мое творчество так или иначе можно оценивать вообще в ряду литературы, а не в каком-то искусственном ее разделе. Нет, не признаю такого понятия "женская проза", "женский роман". Не может быть разных подходов к литературному произведению в зависимости от того, кто автор: мужчина или женщина. Возможно, есть какие-то особенности, но... В любом случае, правда, "женский" роман звучит лучше, чем "дамский".

- Не так обидно?

- Вот именно. Но оправдание появления такой серии может быть в том, что женщины больше пишут о любви, о чувствах вообще. Если бы у меня была возможность выпустить собственный сборник, я бы назвала его "О любви". Хотя, наверно, разочаровала бы многих читателей или ввела бы в заблуждение: это не справочник о тысяче и одном способе... Поскольку теперь именно такое направление преобладает, когда издаются литература о любви.

У меня о любви много написано. Возможно, потому, что моя любовь была порушена войной, и многое в моей натуре и в моей жизни осталось нереализованным.

- Но что-то реализовано успешнее, чем другими. Кстати, почему никто до вас не писал о неспильной жизни наших женщин?

- Боялись, наверно. И, как показала история этой повести, не зря боялись. Твардовский, который тогда был главным редактором "Нового мира", сразу понял, что ему придется бороться за эту публикацию. И оказался прав, потому что бороться ему пришлось и за "Неделю..." и за "Обмен" Юрия Трифонова, опубликованный в следующем, 12-м номере журнала. И это было то большое, страшное, жестокое в нашем обществе, о чем все знали, но никто не осмеливался написать. Кстати, вскоре после этого был московский партактив, и Демичев, тогдашний первый секретарь МГК, делая доклад о культуре, сказал: "Мы допустили большую ошибку, разрешив издание этих двух вещей". Как у них было развито чувство опасности! А ведь ни в моей повести, ни в "Обмене" о политике не было ни слова, ни звука... Зато меня очень полюбили женщины. То есть не меня, а мою повесть. Записывались на нее в очередь, передавали из рук в руки, обсуждали...

- Но я что-то не могу припомнить официальных рецензий.

- А их не было. Просто сделали вид, что ничего не произошло. Потому что нужно было ругать, а делать это было неловко. Женщины же, пусть даже и литературные критики, они-то прекрасно понимали, что на самом деле все так и есть. И хвалить было нельзя и ругать - стыдно. Так что решили замолчать. Зато я получала массу писем от женщин - двойников моей героини. Одна прямо так и написала: "Эта повесть обо мне! И у меня двое детей, и я все время бегу и ничего не успеваю, и с мужем у нас такие же отношения. И даже плачу я от усталости - тоже в ванной". Вот так.

- А кто на самом деле был прототипом Оли, героини вашей повести?

- Конкретно - никто, а в принципе - мой жизненный опыт. Я работала в литературном музее, потом в музее имени А.С. Пушкина, и меня окружали в основном женщины-матери. Так что все их заботы и хлопоты были мне очень близки, да и сама я жила примерно так же.

- Так никто и не рискнул критиковать?

- Только сами читатели. Некоторые писали что-то вроде "Кому щи негусты, кому жемчуг не крупен". Мол, что плохого в жизни моей героини? Муж не пьет, дети здоровы, отдельная квартира. А

В 1969 году в нашей литературной жизни произошло событие, ставшее вехой на пути становления так называемой "женской прозы". В 11-м номере журнала "Новый мир" появилась повесть Натальи Баранской "Неделя как неделя" - семь дней из обыкновенной жизни обыкновенной молодой женщины, любящей и любимой жены, матери двоих детей и... способного научного сотрудника.

Повесть произвела эффект разорвавшейся бомбы. Впервые за всю историю соцреализма было откровенно сказано: женщина в нашей стране несет непосильную, двойную (а то и тройную) нагрузку, женщину нужно спасать!

...Я встретила с Натальей Владимировной в ее квартире - той же самой, типовой, в типовом доме, где и была написана "Неделя как неделя". Что же изменилось? И - изменилось ли?

Наталья БАРАНСКАЯ

попробовала бы она в одной комнате, да еще с парализованной свекровью. Но ведь я хотела показать нормальный, средний вариант. То есть то, что считалось нормой и, к сожалению, ею было. Мне жаль другого: никто ни словом не обмолвился ни о литературных достоинствах, ни о языке моей повести. Кстати, меня много переводили за границей и, в основном, из-за хорошего литературного языка.

Я получила только одну рецензию - устную - от сельской учительницы Дарьи Григорьевны, которая мне сказала, что я написала "народную книгу".

- Зато "Неделя как неделя" переведена на многие языки?

- Да, и с января 1970 года ко мне начали ходить иностранные гости. В то время! Я была под явным подозрением, а возможно, и под наблюдением тоже. Правда, у меня тогда не было телефона, но все остальное... Панельный дом, обычная квартира, даже паркета нет, подъезд - грязный. В общем, было немало неприятностей из-за того, что я принимала иностранцев. Мне-то было все равно, я только наде-

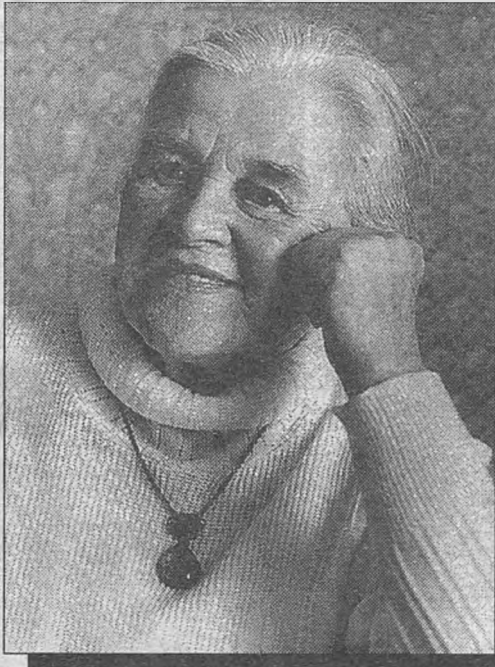

Фото В. АХЛОНОВА.

шешь? Услышал новое словечко в детском саду... И воспитательниц винить трудно - двадцать пять детишек на одну, тут не до хороших манер, лишь бы здоровы были.

- Да и матерям работающим тоже несладко приходится. Одни очереди в магазинах чего стоят!

- Кошмар! Я за свою жизнь, наверно, лет двадцать провела в очередях.

Как-то внук играл на столе со своими машинками, а я - на другом конце стола - писала. Вдруг он поднимает голову и говорит: "Пилазитка, опять лассказ пишешь?" Услышал новое словечко в детском саду...

юсь, что концу этого тоталитарного кошмара моя повесть тоже в какой-то мере способствовала.

- Скорее она способствовала ожесточению борьбы женщин за равноправие.

- В какой-то степени - да. Но в своей повести я достаточно ясно сказала, что женщина не может совместить и семью, и работу - в какой-то момент должна определиться, сделать выбор. Было бы странно, если бы женщина задалась целью иметь большую семью, родить троих детей и одновременно, например, стать президентом. Это значит, что основные заботы о детях свалются на бабушку - вот и все. Или детей будет воспитывать детский сад.

Я через все это прошла, кстати, в качестве как раз бабушки. Моему внуку в три с половиной года пришлось пойти в детский сад, потому что я занялась литературным трудом. И меня, например, страшно раздражало, если возникала необходимость бросить все на самом интересном месте и бежать в магазин или на кухню - готовить. Количество сожженных мною кастрюль просто кошмарное! Если я что-то готовила и одновременно писала, финал можно было предсказать заранее... И внуку это было не очень полезно, он в детском саду такого набирался... Помню, он как-то играл на столе со своими машинками, а я - на другом конце стола - писала. Вдруг он поднимает голову и говорит: "Пилазитка, опять лассказ пи-

- Что вы пишете сейчас?

- Взяться было за семейную хронику. Даже название придумала - "Семейный альбом". Но пока писала, поняла, что выхожу далеко за намеченные пределы. Мама оставила свои воспоминания. У папы были отрывочные записи, типа мемуаров. И в какой-то момент я поняла: семьи у них не было! Двое молодых людей, любивших друг друга, родивших желанного ребенка, так и не смогли создать настоящую семью.

- Почему?

- Они оба были революционеры-подпольщики. С самого начала социал-демократического движения в России активно в нем участвовали. Посмотрите, вот фотографии: такие красивые, молодые, жертвенные лица. Сейчас модно всех революционеров ругать: как-де они такое понаделали? А ведь молодежь конца прошлого века массово шла в революцию, потому что хотела перемен к лучшему. И уж конечно не того, что в результате получилось, от чего они же сами и пострадали.

Я часто слышу: "Россия, которую мы потеряли..." Интеллигентные люди сокрушаются: "Ах, как мы хорошо жили!" Я только дивую даюсь: неужели они ничего не читали? Чехова "В овраге", Бунина, Толстого? Конечно, писатели преувеличивают - на то они и писатели. Но тогда доверьтесь Чехову-врачу. Он ведь не так далеко от

Москвы практиковал - в Мелихово. Известно, какие он болезни лечил и что он был на холере! А переселенцы? Месяцами добирались до новых мест, на открытой верхней палубе парохода, на своих узлах... Ели только ржаные сухари, которые запаривали кипятком с солью, и этим же кормили грудных детей.

Да, женщины в основном сидели дома, но ведь дома-то у всех были разные. У кого-то - полная чаша, а у кого-то - бедность, а то и нищета. А вот мои родители даже Дома своего создать не смогли. Революция его разрушила - сначала бессознательно, а потом совершенно осознанно. Ведь человек выводится в Доме, как птенец в гнезде. Нам же предложили выводить детей в инкубаторах, а самим - выполнять и перевыполнять планы на производстве. И к нашим дням сложилось так, что женщине признаваться в том, что она любит заниматься домашним хозяйством, было просто неприлично. Домохозяйка? Фу! Не за то боролась.

- За что же надо было бороться?

- За то хотя бы, чтобы поэты перестали писать о женщине: "Она - рабыня, кукла, самка". За равноправие, но не за такое, когда женщина практически подменяет мужчину.

До последнего времени у нас большинство женщин работало по необходимости. Их призывали на работу, потому что нужны были дешевые рабочие руки и безграничная женская выносливость. За хорошую работу помещали на доску почета, награждали грамотами. И ничем не поддерживали в общественном сознании мысль о том, что женщина должна создавать Дом и хорошо воспитывать в нем детей. В результате изуродовали несколько поколений женщин, начиная с моего. Уже для меня работа - это главное, а на остальное можно наплевать. И каждое следующее поколение все хуже и хуже.

При этом была пусть казенная, но стабильная забота о детях. Детский сад стоил 12 рублей в месяц, пионерские лагеря - хоть один месяц за лето, но обязательно. И женщины привыкли, что так и должно быть. А теперь этого нет, и, естественно, отсутствие привычного воспринимается как трагедия.

- Но тяжелее всех все-таки приходится женщинам с детьми.

- Как всегда. Хотя сейчас всем тяжело и плохо не потому, что нет колбасы или она дорогая. А потому, что вокруг нас сложилась какая-то нездоровая нравственная атмосфера. Вроде смога от выхлопных газов. Нас окутывает взаимная раздраженность и недоброжелательство. Снизу доверху. Мы относимся друг к другу как потенциальные враги. И счастливых, благополучных семей сейчас гораздо меньше, чем склочных.

- Есть выход?

- Пока только один. Стать требовательнее к самим себе. Нельзя быть нетребовательными к себе и построить нормальное общество. Что же касается экономики, но на моей памяти были куда более тяжелые времена, нежели сейчас. Заботиться надо о нравственности. Остальное, мне кажется, приложится.

Беседу вела
Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА.